

Михаил Книжник

ОТГУЛ

Иерусалимский рассказ

1.

Машину Давид запарковал под Биньян Кляль. Офисная башня некогда царила над городом, но сейчас ссутулилась среди новостроек. Давид давно уже не искал парковку подешевле, предпочитая крытые, чтобы не залезать потом в перекаленную солнцем машину. Место нашлось на самом нижнем этаже, здесь было пыльно и пахло мочой, но новенький, еще не исцарапанный лифт со стеклянной стеной быстро вынес его к свету.

Давид вышел на улицу Яффо, по которой неслась серебряная торпеда трамвая, трезвонившая старым трамвайным звоном, каким звонили еще старые желто-красные вагоны, сновавшие некогда между летним кинотеатром Ленина и речным портом в совсем другом городе. Те трамваи были двусторонними, доехав до конца недлинного маршрута, вожатый шел в конец вагона, где была вторая кабина, и ехал в обратную сторону.

Утренняя улица заполнялась солнцем и деловитым народом, но еще не была ни многолюдна, ни горяча.

В его ежедневнике с изображением голубой таблетки на обложке, на сегодняшнее утро были записаны две встречи с адвокатами и один визит в банк. Адвокатов было двое, а дела — три. В двух случаях судились с Давидом, в одном — он был истцом. Тяжбы эти были давними, вялотекущими.

Разросшийся до невероятных размеров долг хозяину первой съемной квартиры в окраинном Неве-Иакове. Давид долг тот отрицал, считал его выдумкой алчного хозяина квартиры, приехавшего 30 лет назад из Молдавии, особо не преуспевшего, жившего на арендную плату с двух предусмотрительно приобретенных квартир. Дело дошло до суда.

До суда дошло и второе дело, в котором Давид был истцом, он судился с иерусалимской мэрией из-за штрафа за парковку.

Второй адвокат отличался от первого, суетливого, взмокшего, обложенного кирпичами папок, этот был важен и явно, демонстративно богат. Он был специалистом по врачебным делам. Звали его Офер Хар-Захав, но даже беглого взгляда было достаточно, чтобы понять, что еще пару поколений назад его предки носили фамилию Гольдберг. Над

головой Офера помимо диплома юрфака Иерусалимского университета висел врачебный диплом. Но Давид знал, что диплом тот временный, постоянного доктор Хар-Захав не получил: не перенес пыток стажерских ночных дежурств, бежал под сень юриспруденции. Но и временный, давно просроченный диплом в дорогой рамке делал здесь свое дело, убеждал посетителей, что человек глубоко в теме. Так оно, собственно, и было. Офер с равным успехом защищал врачей и обвинял врачей, в зависимости от того, какая сторона его приглашала.

По этому делу Давида обвиняли в смерти пациентки, нестарой женщины, у которой не распознали редкий синдром, сопровождающийся усиленной кровоточивостью. От кровотечения она и умерла в первую же ночь госпитализации. Он тогда был в самом начале карьеры. Дело было безнадежным, в нем не было ни врачебной ошибки, ни преступной халатности, но вдовый истец уже несколько лет не оставлял усилий возмездия, каким оно ему представлялось.

В банке Давид забрал новую кредитную карточку, пришедшую взамен просроченной, поболтал с Яэлью, которая много лет вела его счет. Буквально со второго дня их пребывания в стране, когда одуревшие от свалившихся на них перемен Давид с Эллой забрели в тот банк и на негибком своем английском сказали про открытие счета. Тогда и появилась веселая яркоглазая деваха, заговорившая с ними на понятной им смеси русского, английского и иврита. За прошедшие годы Яэль из «девушки» мягко спланировала в «тетеньки» и уже балансировала на грани «бабушки», но оставалась такой же дружелюбной, и взгляд ее был по-прежнему блескуч и быстр.

Было еще несколько дел по мелочи: купить перегоревший адаптер, бумажные мешки для пылесоса.

Переходя из конторы в контору, Давид все дальше уходил от своей машины.

2.

Отгул Давид получил нелегко. Профессор Зальцман, заведующий второй терапией, говорил, что ждут комиссию, что он очень надеялся на Давида, что отпуск на этот день уже просила доктор Варда Ситон. Профессор покровительствовал Варде, ведь она недавно вернулась после двухлетней стажировки в Канаде, воодушевленная новыми модными тенденциями в терапии. Давид стоял в дверях и видел, что сидевшая снаружи

профессорская секретарша Лиора подмигивает ему, морщится и трясет ладошкой у рта, показывая, что это пустая болтовня.

У веселой секретарши был целый выводок пацанов в вязаных кипах. Врачи и сестры второй терапии уже привыкли каждый год собираться на праздновании очередной бар-мицвы.

С Лиорой у Давида много лет длился бесконтактный роман: улыбки, подмигивания и вербальный петинг.

Лишь в конце дня, после обхода, профессор милостиво разрешил назавтра взять отпуск.

3.

Часам к двенадцати он обнаружил, что список дел исчерпан. Было жарко, конец сентября — еще вполне летний месяц. Он присел за столик под большим зонтом с рекламой мороженого, касавшимся стен по обе стороны узкой улочки между Кошачьей площадью и улицей Яффо. Заказал пол-литра бочкового «Голдстара». Почему-то он чувствовал себя уставшим, хотя в больнице к этому времени еще бывал полон сил, а ведь там беготни-то побольше. Он ощутил, как несколько больших глотков освежающе пролетели по пересохшему пищеводу и мягко стекли по малой кривизне желудка. Давид прикрыл глаза.

4.

— Позвольте? — спросил по-русски бодрый голос, и, не дожидаясь ответа, два человека, грохотнув легкими стульями, уселись за столик Давида. Он в удивлении поднял глаза. Здесь как-то не принято было подсаживаться к незнакомым людям, даже если в заведении нет больше мест. А тут почти все столы свободны.

Когда Давид узнал в подсевших отца и деда, он почему-то не удивился нисколько. Хотя тут было чему удивляться: отец умер четырнадцать лет назад, перед самым отъездом в Израиль, и был похоронен на Первомайском кладбище рядом с дедом, ушедшим лет на десять раньше. Предотъездное напряжение собралось и вложилось в тромб, закрывший левую сонную артерию. Отца отвезли в Областную больницу, которая тогда еще была на Проспекте, как раз напротив площади Свободы — но что там могли сделать. Отца

похоронили рядом с дедом и бабкой, автобусы дал завод, поминальные столы накрыли в городской столовой, Давид не хотел, но так было принято. Траурную неделю — шиву — отсидели в пустой квартире, на полу, не только из-за религиозных предписаний, мебель была распродана. Давид, тогда еще Дима, проходил ускоренный курс осознания себя евреем, включающий в себя исполнение заповедей.

Давид молчал, он внимательно разглядывал мужчин, сидящих за его столиком. Дед был в том возрасте, в котором водил его во Дворец пионеров, в изостудию. В школу по утрам водить не мог, он тогда еще работал, а вот в кружок — охотно, а сам шел гулять по парку, который называл «горсадом».

А отец был таким, как в ту пору, когда Давид заканчивал институт. У них тогда с мамой были нелады, оба стояли на пороге не то, чтобы старости, а окончательного завершения молодости и чувствовали какие-то упущенные возможности, винили друг дружку в том. Давиду было не до них, у него бушевали свои бури.

5.

— Что за вид? — спросил Давид. — Вы такого отродясь не носили.

Оба одеты были в джинсы. На деде были сандалии и тишортка с эмблемой иерусалимской футбольной команды. Отец был одет в клетчатую рубашку навыпуск с закатанными по локоть рукавами.

— Чтобы не выделяться, — сказал дед. — Пива закажи.

Давид помахал молодой худенькой официантке.

Несколько минут молча пили.

— Как бабушка? — спросил Давид.

— Как всегда: ругается, — меланхолично ответил дед.

— И там тоже?!

— Там все продолжается. Только по-другому.

— Как?

Тут вступил отец:

— Иначе, чем мы себе представляли. И объяснить невозможно. Ты не поймешь.

Дед лучился удовольствием, а отец был внутренне неспокоен, раздражен.

— Ты что-то хочешь сказать, папа? Скажи. Я же вижу.

— Мне кажется, что ты бросил маму.

Фраза была неловкая, и Давид улыбнулся.

— А мне кажется, что это ты собирался бросить маму, но не успел.

Отец кривовато усмехнулся, показал, что ему невесело, но что иронию он оценил.

— Я бываю у мамы раз в неделю, а то и два; один и вместе с Эйтаном, делаю покупки, вожу ее к врачам и на выставки. Ты имеешь в виду, что редко приглашаю ее к себе? Так она не ладит с Мариной, всегда старается сказать что-нибудь неприятное. Ты же знаешь маму. А Марина уже не согласна терпеть.

— А-а-а, эта... И зачем ты бросил Эллу...

— Папа, ну как тебе не стыдно! Марина не «эта», а мать твоего внука, и назвала его в память... в твою честь, между прочим. Вы не хотели ее, а я не смог выстоять, слабый тогда был. И вы придумали Эллу. Почему-то решили, что если вы дружите с Рубчинскими, то я буду счастлив с их дочерью. Я не любил Эллу, она не любила меня, мы плохо жили. Мы были несчастны.

— А сейчас, с Мариной, ты счастлив? — спросил отец.

Давид помолчал и ответил:

— Нет.

— А дочка? Света? Ты ее тоже бросил?

— Зачем. Я ее люблю и забочусь. Ора уже большая девушка, армию отслужила.

— Знаю-знаю, — сказал дед. — Это я Свету спровадил на губу, и она лишилась увольнительных. И не была на той остановке, в которую въехал араб.

— Ты? Слушай, дед! А когда я студентом еще, в колхозе упал с прицепа спиной вперед, но как-то перекувыркнулся и встал на ноги, это тоже ты?

— Нет, это — бабка. Пива еще закажи.

— А Павлик? Почему Павлика не спасли?

— Павлик не хотел жить. Тут нельзя помочь, — угрюмо сказал отец.

Они замолчали. Павлик был единокровным братом Давида, сыном отца от первого, короткого студенческого брака. Но сначала стараниями отца, а потом по взаимному влечению, он всегда присутствовал в жизни Димы, был старшим, приносил бобины с музыкой, книжки. Учил Диму завлекать барышень и предохраняться от следующих за этим неприятностей.

После Диминого отъезда Павлик то решал последовать за ним, то передумывал и на годы выпадал из виду: на звонки не отвечал, писем не писал. Лет семь назад его нашли мертвым в квартире.

Мимо их столика пробежал пожилой спортсмен в коротких шортах. Давид внимательно посмотрел ему вслед. Судя по длинным розовым шрамам на ногах, бегун недавно перенес операцию на сердце. А по скорости, с которой он бежал, можно было понять, что операция была успешной.

А еще Давид подумал, что если бы эти операции делали тридцать лет назад, то дед если не дотянул бы до сегодняшнего дня, то до Иерусалима бы доехал уж точно. Дед невозмутимо пил пиво.

— А почему вы не уехали? — спросил Давид. — Когда пускали. После войны или в семидесятые?

— Я боялся, — сказал дед.

— И я боялся, — повторил за ним отец. — Боялся не вытянуть, не выучить языка, не прокормить вас.

— Жалко. Если бы вы решились, то мне было бы легче... Хотя кто знает...

— У каждого своя война, свой мир, свое восхождение. Должен пройти сам, — сказал дед. — И он. — Он кивнул на отца и продолжил: — И я. И ты.

Тут Давид обратил внимание, что дед с отцом совсем между собой не разговаривают.

— Вы что, в ссоре? — спросил он.

— Нет, — ответил отец, но как-то резко и быстро.

А дед промолчал.

— А рай, ад. Они есть?

— Нет, конечно, — сказал отец. — Ты же понимаешь, все это выдумки. Это все люди выдумали.

— Вы за мной пришли? — вдруг решившись, спросил Давид.

Дед покачал головой.

— Нет, — твердо сказал отец. — У тебя еще довольно много времени. Если дурить не станешь.

— Папа, а ты помнишь, когда дед ушел, ты еще сокрушался, что он не сказал тебе, как жить дальше, никакого напутствия... Но и ты ушел, ничего не сказав. Может, сейчас скажете: как жить?

— Потому и не сказали, что сами не знаем, — сказал отец. — Смерть не делает человека мудрее, чем он есть.

— Знаешь, Димочка, — проговорил дед и посмотрел на Давида с такой нежностью, с которой смотрел на него в детстве, — тебе ведь уже скоро пятьдесят. Перестань быть виноватым.

— Ты о чем? — Давид не сразу понял.

— Перестань уже быть мальчиком, который глотает жевательную резинку. Жвачку нужно выплевывать. Пора уже понять, что ты не виноват ни перед нами, ни перед мамой.

— А вот папа так не считает.

— Он именно так и считает. Он просто выполняет свой долг. Перед Эллой не виноват. Ваш развод и ей облегчил жизнь.

— Но она до сих пор одна.

— Во-первых, это ее выбор. А во-вторых...

— ...как тебе нравится «во-первых»? — Давид вспомнил всегдашнюю дедовскую шутку.

Дед усмехнулся, но продолжал:

— А во-вторых, она не настолько одна.

— Да ты что?! И кто же он?

— Не лезь не в свое дело. И не перебивай. Перед Мариной не виноват. Ты ей достался сильным, мужчиной. Перед Светой-Орой не виноват, ты ее любишь и тратишь не только деньги, но и сердце. И перед Эйтаном. Он твой сын, ты в него много сил вкладываешь. Кстати, можешь поменьше потакать его капризам и побольше с него спрашивать.

И Зальцману ты ничего не должен, ты давно ему все вернул. А он сдерживает твой рост, чтобы ты тянул черную работу в отделении и продолжал вести студентов. И проталкивает эту сучку Ситон, потому что... Ладно, это тоже не твое дело.

Давид с удивлением уставился на деда. Отец иронично смотрел на Давида.

— Нам сверху видно все, ты так и знай. Закажи деду пива. И мне тоже.

— Димочка, живи, получай удовольствие. Люби то, что любишь, и тех, кого любишь.

Давид вдруг понял, что им сейчас столько же, сколько ему, что они ровесники. Он встал, размял ноги и уверенно зашагал в темноту бара, где, он знал, находится туалет.

6.

Когда он вернулся, за столом никого не было. Худенькой девочки-официантки тоже не было. У входа маячил курчавый парнишка. «Сменилась, наверно, — подумал Давид. — У них что, как у медсестер, в три пересменка?» Он попросил счет.

На бумажке, прихваченной прищепкой к маленькому подносу, было написано: «Голдстар, большой — 1 стакан».

7.

Врачи толпились у сестринского поста в ожидании утреннего обхода. Зальцман опаздывал. Варда Ситон сухо и высокомерно делала внушение дежурному доктору. Давид с новым интересом разглядывал ее, представляя, как это у них происходит с заведующим.

Прошла, покачивая бедрами, Лиора.

— Дуделе, — сказала она. — Я видела тебя вчера в Нахалат-Шива. Ты среди дня пил пиво с двумя парнями, похожими на тебя. Родня?

— Да, — ответил Давид и преувеличенно зловещим шепотом добавил: — Но хотел бы я знать, что ты делала в рабочее время в Нахалат-Шива.